

Иван ПЕРЕВЕРЗИН

И лишь тогда душа живая, когда хранит надежды свет...

В скалах Крита

Орёл все ниже над башкою
кружит с надеждою, что я,
уставши, рухну под скалою —
в каком-то шаге от ручья...

Не рухну, ибо жив по чести,
как достославный остров Крит,
где новое со старым вместе —
бессрочно славный мир творит.

И этот мир навек со мною,
в какую б не забрёл я тьму...
В любви бессмертной всей душою
хочу причастным быть к нему.

Любовь горит — и моё слово
ложится в строчки для того,
чтоб и во времени суровом
творилось жизни торжество!..

Чтоб ты, ушедшая в печали,
вернулась с радостью ко мне,
и пашни щедро хлеб рождали,
и птицы пели гимн весне!

Прощай орёл, верней, до встречи
с моей душой на небесах,
где без конца и края вечность,
где прахом обратится страх!

* * *

Снег первый выпал... и лежит,
В лучах полуденных не тает!
Он так мне душу молодит,
ну, будто юность возвращает...

И стылый воздух, чист и свеж,
вдыхаю я всей грудью жадно, —
и что нет солнечных надежд,
нисколько сердцу не досадно.

В лесу, где чётко лисий след,
порхает в голых кронах птаха,
и так поёт, как будто нет —
на свете ни беды, ни страха.

* * *

Нет, жизнь не кончилась навек,
ещё, уверен, — мне осталось
не только зреть летящий снег
и утренних рассветов алость,
но и — о, счастья горных дней! —
любить взахлёб, страдать до плача,
чтобы любить ещё сильнее!
И в жизни нет другой удачи,
с которой можно всё забыть...
Но если вдруг о чём-то помнить,
то как мне время победить,
во имя той — заре подобной —
и блеском глаз, и силой чувств,
в которых грусть дотла сгорает,
ведь, дней моих редая, куст,
как перед стужей — опадает.
Я с этим вряд ли примирюсь,
и думать о печальном жалко..
И вновь безудержно сдаюсь —
весь обоюдной страсти жаркой.

Моя луна

В фонарном свете снег лучист,
кружась, летит на твердь земную.
А как морозно воздух чист, —
не надышусь им ни в какую!

И пусть почти весь небосвод —
стеной закрыли злые зданья,
ведь я с луною — наперёд
себе назначил час свиданья...

И в нимбе ярком, световом
вот она всходит, словно пава...

Как счастлив я! С каким огнём
кричу ей, милой: «Слава! Слава!»

И мне в ответ — о, что за жизнь,
о, что за радость-озаренье! —
луна бессмертным светом высь
зажгла в небесном вдохновенье.

А снег морозный, Боже мой! —
в её лучах искрится, пышет!..
Как будто высшей красотой
в моей душе знак сердца вышит!

И сколько б я луною вновь
и вновь ни любовался страстно,
всё ярче к ней моя любовь —
навек смерти не подвластна!

* * *

Вдруг как будто я враз постарел,
так мне стало совсем одиноко!
И угрюмое вспомнив, запел,
что душой не взлечу, будто сокол.

Вот что значит уйти от любви,
в чьих лучах сокровенных грелся,
и безумною страстью в крови
вдохновлялось седое сердце.

Только это со мной не впервой, —
значит, можно уверовать снова:
буду я вечно молод душой —
и не важно, что только от слова!

* * *

Снег тает по чуть-чуть, как через грусть,
но пенье птиц всё звонче, всё смелее.
И влагой полнится малинов куст,
чтоб заалеть на солнце поскорее.

И в небе синь от золотых лучей
не зря мне кажется сиренево цветущей, —
и счастье поднимается, как свет,
в душе моей
до высоты торжественно поющей.

Иначе и не может быть, мой друг,
ведь я не просто жив, сурово поседелый,
но, как в былые дни,
в земную жизнь вокруг
могу душой вращать с берёзой белой...

И значит, быть поэтом до конца,
который устоит под натиском неволи,
которого, как звонкого скворца,
не перепеть без чувства смертной доли...

* * *

Встречаюсь с женщиною,
будто случайно,
но на деле самом
по воле полночи или утра,
как с вдохновенными стихами.

Любить с оглядкой — не дело,
вот, словно волны, жизнью всею
бросаюсь в страсть настолько смело,
что раньше времени седею...

А ошибаюсь? Сколь угодно!
И всё ж от чувств, горящих чисто,
живу на зависть благородно —
и высь моя во тьме лучиста...

И если надо,
то и царство любимой подарю счастливо!
И пусть за это ждуют мытарства, —
как злая смерть, нетерпеливо...

* * *

Боль вновь ударила неожиданно,
враз стало мне не до любви,
не до печали богоданной,
когда покой царит в крови...

Хотел бы я молчать, да только —
рвёт душу на куски судьба,
и что ни напишу, всё горько,
как будто точно мне труба...

А жить-то вдохновенно надо —
каким бы злом ни стала жизнь,
а если уж смертельно падать,
то так, чтобы подняться в высь...

Да-да, в ту ярко золотую,
где только счастье обретёшь, —
где душу чёрту ни в какую,
и в страшном сне не продаёшь.

И твёрдо собираясь с духом,
превозмогаю напрочь боль.
Земля мне точно будет пухом,
но прежде я верну любовь...

* * *

Ты не придёшь. Какая жалость!
Ты не придёшь. Какая грусть!
Ну, словно умирать осталось
в судьбе, известной наизусть...

Но я люблю! Причём с такою
звонящей страстью,
что душой
пылаю вновь и вновь зарёю,
и пусть весь свет во тьме глухой.

Пусть боль нещадно рвёт аорту —
и мне дышать почти невмочь.
Но не отдам я душу чёрту,
и не уйду бесследно в ночь!..

И это значит, как и прежде,
мне одному хранить любовь,
но с самой верною надеждой,
что всё-таки полюбишь вновь...

* * *

Снег сыпет и сыпет, и сыпет —
всё сумрачной,
всё сильней.
Как будто печальные всхлипы
мне слышатся из-за ветвей.

Коль так, то зима напоследок
пускай ещё стужей дышит, —
и в парке от сумрачных веток
звон радужный чисто пойдёт...

Печаль не охватит мне сердце,
когда в предвечерье туман
зависнет над стихнувшей твердью,
в лучах лампа-светов багрян.

В природе, как в жизни летящей,
должно всё свершаться сполна, —
чтоб радость была восходящей,
а боль промерзала до дна!..

* * *

Не гнетут могучий дух печали,
в памяти свет-образы встают.
Будто просветлели мои дали,
и с чужими солнечно поют.

Очень часто спрашивал у Бога:
«Кто я в этой жизни, наконец?»
И во сне услышал голос строгий:
«Настоящий праведный борец!»

Сон был вещим, значит в него надо
верить свято и стоять стеной
за надежду, за любовь, за радость,
не пугаясь смерти грозовой...

Что она? Та сила, от которой
не уйти... Но как? На сей вопрос
каждый должен отвечать без спора,
будто до себя сполна дорос...

Вот я и отвечаю откровенно —
тем хотя бы, что любовь свою
возвращу для песни вдохновенной
и надежды с нею быть в раю.

Будто просветлели мои дали
и с чужими солнечно поют.
Не гнетут могучий дух печали,
в памяти свет-образы встают.

* * *

День отгрущу, другой отплачу,
ведь я нисколько не значу
для той, кого навзрыд люблю.
Но жизнь не кончится на этом,
не зря ж родился я поэтом, —
пусть тяжело, но запою!

О чем? Конечно, о природе,
коль только с нею я свободен
от злых тревог, пустых обид, —
и не останусь равнодушным
ни от счастливой лжи кукушек,
ни от молодой листвы раки!

А жарко солнечные пятна
на тропке, что бежит занята
меж сосен, восхитят мой взгляд,
жизнь вряд ли назову счастливой
но без душевного надрыва
я встречу огненный закат!

Прощай! заветная отрада,
с которой восставал из ада,
всё, что печалило, прощай!
Но будущее с морем песен,
где я так звонко интересен
огнём свет-образов, встречай!

* * *

Всё спутал к чёртовой матери:
и радость, и грусть, и весну!..
Как будто на быстром катере
влетел в грозную волну.

Забылся? Иль лишнюю рюмку
я взял на широкую грудь?
Да просто с тоской в обнимку
проспал к вечным звёздам путь.

Как дальше мне жить, не знаю?
Не проще ли — просто назад
поближе к морозному краю
вернуться в густой листопад?

И так поступлю, поскольку
лишь в страхе земном за жизнь
живётся настолько звонко,
что слышит мой голос высь...